

Читайте в серии:

Максим Забелин «Ключевой»

Орсон Петерсен «Работа над ошибкой»

Анатолий Кудрявицкий «Летучий Голландец»

Рагим Джафаров «Марк и Эзра»

АНАТОЛИЙ КУДРЯВИЦКИЙ

ЛЕТУЧИЙ
ГОЛЛАНДЕЦ

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К88

Разработка серии и художественное оформление
Марии Коняевой

Кудрявицкий, Анатолий.
К88 Летучий Голландец / Анатолий Кудрявицкий. —
Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-102839-8

Константин Алфеев, известный московский музыковед, работает над новой книгой об операх Рихарда Вагнера и Венсана д'Энди, основанных на разных версиях средневековой легенды о Летучем Голландце. Внезапный поворот событий превращает Алфеева в изгоя. Музыковед бежит из города и находит пристанище в уединенном доме на берегу реки, где продолжает работать над своим исследованием. Здесь рождается новая версия легенды в духе магического реализма, дом в которой уподобляется кораблю, а сам Алфеев — мореходу.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-102839-8

© Кудрявицкий А., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Только одинокий человек может жить по
основным законам, и если он видит и утро,
которое всего лишь начало, и вечер, когда
все уже совершилось, если осознает жизнь
целиком, то происходящее теряет власть над
ним, и он, хотя и находится в самой гуще
событий, становится свободным,
как свободен мертвец.

Райнер Мария Рильке

Часть I
ANDANTE

Дом проглатывает человека. Поиграет-поиграет — и проглотит. И тогда человек затихает и смотрит в окна, и окна мутнеют, а пейзаж становится плохо загрунтованным холстом. Холст этот можно прорвать, а можно и пойматься в его паутину.

Н. сумел прорвать холст и не попасться. Но если ты не паук, паутин на тебя много. Скоро он даст проглотить себя другому дому — большому, деревянному, одиноко стоящему на берегу реки. Н. плыл неспешным корабликом по проселку, в одной руке саквояж, в другой сумка с купленными по дороге продуктами; лес постепенно вбирал его, вобрал, затем выпустил — на поляну, потом на другую поляну; орешник, сосны, потом вдруг осины и березы, опять сосны. Веяло рекой — она была царицей здешних мест, к ней летели на поклон птицы и кланялись — иначе не напьешься воды.

Дом был ее дворцом, он был посвящен реке, жил для нее, и стрекозы-коромысла пели для нее, сидя на коньке крыши. И шел Никто с коромыслом, и нес к реке мертвую воду, а черпал из нее живую, и водой этой жил без пищи, и не становился Кем-то,

потому что стыдно, потому что не нужно, потому что уже был.

На террасе стояло пустое ведро — или ему казалось, что оно там стоит? А может быть, ему казалось, что он сам стоит на террасе? Кому что кажется, каждый — художник своего воображения. Сейчас рисовался такой пейзаж: терраса, нанизанная на дерево. Ясенедуб, как Н. сразу стал его называть, потому что никак не мог вспомнить, яшень это или дуб. А когда не помнишь, как нужно что-то называть, называешь так, как хочется тебе или как не хочется другим. Н. и поступал чаще всего не так, как поступают другие. Жизнь свою он называл нежно — нежизнью, себя он про себя называл Никто, а поскольку человеку нужна фамилия, он решил писаться Откин. В плане приватности и вообще... Интересно, догадается ли кто-нибудь прочитать эту фамилию в обратном порядке — Никто?

Собственно, настоящий Никто должен жить нигде. Наверное, он не был настоящим Никто, потому что это почти титул и его еще надо заслужить. А он что же? Годами жил в городе, жил и жил, и только сейчас уехал. Город, правда, продолжал жить в нем. Он мешал городу жить в себе, но безуспешно. Пришлось взойти с городом внутри себя на ступеньки, сесть — с ним же — на лавку, говорить с хозяином, постукивая в глубине своего нутра крышами друг об друга.

Хозяин, давно проглоченный домом, смотрел мутно. Он вспоминал свою жену, которую унесла

река желтой волною, — говорили, в город, говорили, в новый брак, но кто знает, куда? — а у желтой волны ведь не спросишь. Жена жила в его глазах, и посетитель с интересом наблюдал за тем, как она выбивает половик, моет окна, готовит обед. Наконец хозяин закрыл глаза со спрятанной в них женой и назвал цену. Цена заняла всю террасу. Вслед за ней пришла тишина.

Н. понял, что это как подавать милостыню нищему: нужно либо вообще этого не делать, либо дать столько, чтобы он перестал быть нищим; может быть, дать самого себя.

Он сказал да. Цена послушно спряталась в карманы, соглашение состоялось. Дом теперь был его, до осени. Что же до самого дома, он явно не возражал на время отпустить давно проглоченного в предвкушении нового содержимого своей утробы. Собственно, Никто-Откин не думал, что его тоже можно проглотить, — ну, как проглотить *никого*? Само собой, никак.

Хозяин ушел по тропинке. Он оставил все, даже фотографии жены. Это было бегство. Хозяин оказался легок на подъем. Просто легок. Все было выжжено изнутри.

— Лево руля, Виллем!

— Есть, капитан.

Ничего не происходило, никто не шевелился, никого не было, но голоса звучали, а корабль плыл.

— Поднять кливер!

Скрипел штурвал, стекло компаса отражало серебряные облака.

— Эй, Дирк, помнишь трактирщицу в Гамбурге?

— Еще бы... Трави шкоты!

Но парусов не было тоже. Голые мачты, какие-то обрывки на снастях, в кают-компани на столе — засохшая рыба, окаменевший хлеб, бутылка с синевой испарившегося вина...

— Капитан-то наш, верно, доходец подсчитывает.

— И боцман тоже. Выбросили купца за борт, думали, шито-крыто будет, да мы-то видели!

А вот чайки говорили взаправду, каждая свое, и друг друга понимали. Плавание было каботажным.

— Право руля, черт возьми! Впереди — рифы!

Но не было никаких рифов, не было мели, хотя темные тучи у горизонта и в самом деле были сушей. Ничто не мешало кораблю плыть, а голосам звучать самим по себе. Голоса были живыми, люди — мертвыми, но с живыми голосами. Мертвые молчат красноречиво, а уж если заговорят...

Отражение жило на дне жестяного ведра. По утрам оно было веселым, вечерами — мрачным, сосредоточенным — на чем? Утренним отражением умываться было приятнее.

Потешным дымом — как будто нарисованным — курилась печка. Дом тоже жил своей жизнью, дышал белыми кирпичами печной кладки, иногда кряхтел мощными крашеными дубовыми половицами.

Кружка с «воином-освободителем», яйцо, хлеб с маслом, посыпанный стеклянными блестками сахара... Завтрак. Солнце указывает лучом на скудную еду и смеется.

Ничего, зато после завтрака можно сесть за машинку цвета хаки и начать выстукивать: «Летучий Голландец. История сюжета». Знакомая история выстукивается сама, Летучий Голландец плывет по машинописным волнам Рейна — не зря ведь машинку зовут «Рейнметалл».

На чердаке — чей-то топот, чуть ли не драка. Кто там еще? Он идет посмотреть, перебирает ногами скрипучие лестничные клавиши. Чердак пуст, окна затянуты паутиной, нет, не совсем пуст — в углу сундук, старинный, пыльный и тяжелый, не открывает себя, держит свое в себе. Внизу, на террасе, есть топорик...

Вот замок сбит. И сразу — запах табака, густой, чуть гнилостный. Кто кашляет? Никто не кашляет? Еще как кашляет!

Пятнадцать человек на сундук мертвеца,
Йо-хо-хо, и бутылка рома.

Йо-хо-хо было, бутылки не оказалось. Лежала морская подзорная труба, рядом обнаружились фланелевая тряпочка с двумя кремнями, очень длинный старинный пистолет с инкрустированной тусклым перламутром ручкой и — шкатулка, большая, лаковая. Она открылась без помощи топорика. Внутри были старинная морская фуражка и тяжелый бронзовый ключ.

«А где же пиастры? В таких сундуках — чтобы не было золота?»

Но беда была в том, что Н. думал о деньгах, а они вовсе о нем не думали, никогда. Деньги живут своей жизнью, у них свои симпатии и антипатии, свои любимцы. Однако — зачем ему здесь деньги? На еду хватит, а больше все равно ничего не купишь. Интересно только, что за ключ, никакой похожей замочной скважины в доме нет. Но все-таки, если есть ключ от двери, должна же быть и дверь для ключа!

Он закрыл сундук и спустился в сад. Дорожки давно заросли травой, огород — тоже, яблони зато исправно плодоносили. Что же наверху? Солнце каталось как блин по намащенной сковородке. Под одной из яблонь обнаружилась потемневшая

от дождей скамейка. Н. сел, задумался: откуда такой сундук в валдайской глуши? Откуда я сам в валдайской глуши? Время тихо звенело, просачиваясь меж деревьев куда-то в междеревье.

Дом стоял совершенно невозмутимо, окна тихо бледнели, отражая серо-голубую матовость послеполуденного неба. В одном из окон показалась женщина, она смотрела на него. Н. вздрогнул, в той комнате он еще не был.

Он бросился в дом, добежал до двери, постучался, вошел. Пусто. Двухспальная кровать с никелированными железными шишечками по углам, без матраса, шкаф красного дерева. Он открыл створки, как будто ожидая увидеть там, внутри, кого-то. Но в шкафу жил лишь запах лаванды, густейший. Н. отпрянул, затем вновь заглянул внутрь. На полочках — шали, в другом отделении висит старинный плащ, ничего особенного, просто плащ-накидка, грязно-оранжевый.

Никого.

Он раскрыл фрамугу, пропихнул в нее край занавески, чтобы отметить окно, и вышел в сад. Окно было не то, где он видел женщину! Он зашел в соседнюю комнату, совсем пустую, и тоже вывесил наружу занавеску. Это окно оказалось с другой стороны от окна с женщиной. Между этими окнами в доме комнат не было. Это окно в никуда, понял он. Или из ниоткуда.